

В. И. Рассадин

К ИСТОРИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ*

Тюркские и монгольские языки, как известно, вместе с тунгусо-маньчжурскими давно уже считаются родственными и объединяются в одну так называемую группу «алтайских языков», названных так потому, что их формирование происходило якобы в обширной географической зоне Алтая. К этим языкам впоследствии стали причислять корейский и японский языки [Ramstedt 1957, S. 15]. Гипотеза о родстве не только алтайских языков между собой, но и о их родстве с уральскими языками [Räsänen 1965], к которым относятся финно-угорские и самодийские языки, зародилась в XVII в., окрепла с накоплением фактического материала в XVIII в. и стала активно разрабатываться в XIX в. Поскольку о гипотезе родства урало-алтайских языков и об истории ее изучения подробно писал в XX в. российский ученый Дж. Г. Киекбаев [1972; 1996], здесь мы не будем об этом говорить, а отсылаем читателя к его трудам. Занимаясь вплотную сравнительно-историческим изучением строя уральских и алтайских языков, Дж. Г. Киекбаев пришел к следующему выводу: «Путем структурного анализа грамматического строя урало-алтайских языков можно установить, что модель образования их грамматических форм едина и в своей основе сходна. Однако это свидетельствует не только о типологическом сходстве, но и о генетическом родстве названной семьи языков, т.е. об их общем происхождении» [Киекбаев 1996, с. 11].

Обширная семья урало-алтайских языков, по его мнению [1972, с. 3-14], делится на две большие ветви: уральскую и алтайскую. Каждая из них состоит из больших групп: уральская - из финно-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 03-06-80212).

угорской и самодийской, а алтайская - из монгольской, тунгусо-маньчжурской и тюркской. Образовались урало-алтайские языки в результате территориального разобщения существовавшего еще в доисторические времена единого языка.

Как утверждает Дж. Г. Киекбаев [1972, с. 24], урало-алтайская языковая общность существовала приблизительно до X тысячелетия до н.э. Выделившаяся из нее после ее распада алтайская языковая общность продолжала существовать примерно до VI тысячелетия до н.э., уральская - до VI-V. Алтайская общность стала распадаться на тюрко-монгольскую и тунгусо-маньчжурскую языковые общности где-то с VI тысячелетия до н.э. Образовавшиеся тюрко-монгольский и тунгусо-маньчжурский языки-основы просуществовали примерно до IV тысячелетия до н.э., а затем распались на монгольский, тюркский и тунгусо-маньчжурский праязыки, которые стали делиться на конкретные языки приблизительно со II тысячелетия до н.э. Приведенная здесь схема и примерная хронология распада урало-алтайской языковой общности выработана Дж. Г. Киекбаевым и представляет его точку зрения. В самом же алтайском языкознании, которое оформилось как самостоятельная отрасль общего сравнительно-исторического языкознания на подлинно научной основе лишь в XIX в. [Насилов 1978, с. 92], вопросы лексикостатики почти не разработаны, поэтому в исследованиях алтаистов (Б.Я. Владимирцова, Г.И. Рамstedта, В.Л. Котвича, Н.Н. Поппе, Н.А. Баскакова и др.) не освещается хронология существования алтайской языковой общности и времени ее распада.

В алтаистических работах нет также единства взглядов на процесс распада алтайской общности. Так, Б.Я. Владимирцов [1929, с. 47] считал, что протоалтайский язык сначала разделился на две ветви: на тюрко-монгольский язык-основу и на тунгусо-маньчжурский праязык. От тюрко-монгольского праязыка впоследствии образовались тюркский и монгольский языки-основы. Такого же мнения придерживался и Н.А. Баскаков [1962, приложение 2]. Г.И. Рамstedт [1957, S. 15] выделяет из алтайской языковой общности тунгусо-маньчжуро-монгольский праязык отдельно от тюркского и включает в число алтайских языков также и корейский язык.

Вслед за Г.И. Рамstedтом Н.Н. Поппе [1960, S. 8] тоже делит алтайский язык-основу на две ветви: 1) на тюрко-монголо-тунгусо-

маньчжурскую языковую общность, которая впоследствии разделилась на прототюркский язык и монголо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность; 2) на древнекорейский язык, из которого изолированно развивался современный корейский язык. Древнекорейский язык первым выделился из алтайской языковой общности. Из монголо-тунгусо-маньчжурской языковой общности впоследствии через протомонгольский и прототунгусо-маньчжурский языки развились отдельно монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Как можно видеть, схемы распада алтайской языковой общности, предложенные Г.И. Рамstedтом и Н.Н. Поппе, принципиально отличаются от схем Б.Я. Владимирцова и Н.А. Баскакова, точку зрения которых разделял, кстати, и Г.Д. Санжеев. Последние возводят тюркские и монгольские языки к одному тюрко-монгольскому праязыку. Это положение было принято в советской алтаистике, что стимулировало в свое время развитие, особенно в исторической тюркологии, специального направления исследований под названием «тюрко-монгольское языкознание», при этом активно велись поиски тюрко-монгольского праязыка. Вера в тюрко-монгольскую языковую генетическую общность базировалась на наличии очень большого количества лексических соответствий, наибольшего среди алтайских языков.

К совершенно иному пониманию процесса и результата развития алтайских языков пришел крупнейший алтаист XX века В.Л. Котвич. В работе, обобщающей его алтаистические исследования, он пришел к следующему выводу: «При всех указанных условиях вопрос об общем алтайском языке, из которого будто бы выделились отдельные языковые семьи, ставится под сомнение. Во всяком случае, существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры. В эпоху гуннов (начиная с IV-III веков до нашей эры) уже существовали совершенно обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различными словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически, то есть в основном только с синтаксической точки зрения. Сходство и совпадения чаще всего связывали между собой тюркские и монгольские языки, что соответствовало также тюрко-монгольским территориальным, экономическим и политическим отношениям. Тун-

гусские языки стояли значительно дальше как от тех, так и от других. ... Что же касается конкретных отношений между вышеупомянутыми совпадениями и сходством, то на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10%, а морфологических элементов - около 5%. Можно ли исходя из этих данных говорить о существовании особой алтайской языковой семьи? На этот вопрос следует отвечать утвердительно. Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями. Они находятся теперь на разных стадиях развития: вперед выдвинулись тюркские языки, за ними непосредственно следуют монгольские, забегая иногда вперед, и, наконец, довольно далеко позади них идут тунгусские. Контакты способствуют углублению сходства этих языков, которое выражается во взаимном проникновении лексических и морфологических элементов» [Котвич 1962, с. 351-352]. Не отрицал В.Л. Котвич существования и аналогичной типологичной урало-алтайской языковой общности, которая была в очень глубокой древности и очень рано распалась. Затем уже самостоятельные уральские и алтайские языки развивались в условиях взаимных контактов, вырабатывая типологически общие черты своего грамматического строя и взаимообогащаясь лексическими элементами [Котвич 1962, с. 352].

Таким образом, как можно видеть из приведенного обзора, в алтаистике выработались два мнения: ортодоксальные алтаисты (Б.Я. Владимирцов, Г.И. Рамstedт, Н.Н. Поппе и их последователи) считают все общие элементы в алтайских языках наследием генетической общности этих языков, хотя и признавали роль контактов и заимствований, а В.Л. Котвич и его последователи убеждены, что большая часть этой общности развилась в результате многотысячелетних контактов и взаимовлияния алтайских языков друг на друга. Особенно активно эти процессы протекали между тюркскими и монгольскими языками, что и обусловило такое большое количество общих элементов в этих языках.

Вопрос о взаимоотношениях монгольских языков с тюркскими, о влиянии тюркских языков на монгольские и наоборот далеко не нов. Так, еще в начале прошлого века Б.Я. Владимирцов в одной из своих работ [1911, с. 169-177] специально рассмотрел тюркские элементы в монгольских языках и наметил методику изучения этой проблемы, которой в дальнейшем придерживались отечественные востоковеды. В своих последующих трудах, особенно касающихся сравнительно-исторической грамматики монгольских языков [Владимирцов 1929], он постоянно привлекал соответствующий материал из тюркских языков. Подтверждением того, что интерес ученых к данной проблеме не угас и до сего дня, могут служить исследования разных авторов, как, например, статьи Г.Д. Санжеева [1947; 1971; 1973], Б.А. Серебренникова [1980; 1988], С.С. Харьковой [1992], монография А. М. Щербака [1997], посвященная ранним тюрко-монгольским языковым связям.

Проблемы взаимоотношений тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, как уже было сказано выше, активно разрабатывались в плане алтаистики [Котвич 1962; Рамstedт 1957; Порре 1960; 1965], о чем неоднократно писал, например, А.М. Щербак [1959; 1968]. Затрагивались они и нами [Рассадин 1987; 1989]. Но поскольку решение алтаистической проблемы зашло в тупик, то мы считаем, что необходимо менять методику алтаистических исследований, о чем уже неоднократно говорилось [см., например, Рона-Таш 1974; Серебренников 1988; Серебренников, Харькова 1983; Рассадина 1992]. Одним из выходов в создавшейся ситуации, мы полагаем, является подробное рассмотрение контактов и взаимодействия конкретных языков, входящих в семью алтайских языков, например, тюркских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, монгольских и тунгусо-маньчжурских и т.д. При этом нужно выявить в каждом из этих языков бесспорные заимствования из конкретного контактирующего языка. Только в таком случае, после исключения из алтаистического анализа явных заимствований можно рассматривать как общеалтайские оставшиеся сходные элементы и анализировать уже их. Для точного определения заимствований необходимо выработать четкие критерии, при помощи которых можно было бы вычленять явные тюркизмы, монголизмы и тунгусо-маньчжуризмы в алтайских языках. Работа в установлении таких

критериев ведется, и хотя еще трудно говорить о выработке окончательных и общепризнанных критериев, все же определенные результаты есть. Здесь можно, например, упомянуть критерии определения тюркизмов в монгольских языках, предложенные А. Рона-Ташем [1974, с. 31-45], Б.А.Серебренниковым [1988, с. 33-41], С. С. Харьковской [1988, с. 75-82]. Мы тоже предложили критерии отграничения тюркизмов от монголизмов и выявления монголизмов в тюркских языках [1980, с. 5-7].

Убедительное свидетельство о древности влияния тюркских языков на развитие, например, лексического состава монгольских языков, относящегося еще к эпохе бронзы, находим в исследовании А. Рона-Таша [1974, с. 37]. Г. Клосон, изучавший тюрко-монгольскую языковую проблему [Clouson 1962], тоже пришел к выводу, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние. О ранних (VIII-XIV вв.) тюрко-монгольских языковых связях писал в одной из своих работ и А.М. Щербак [1997]. Поэтому не вызывает никакого сомнения важность выявления в тюрко-монгольских языковых параллелях взаимных заимствований.

В данной статье мы хотели бы коснуться взаимоотношений тюркских языков с монгольскими и поставить проблему тюркизмов в монгольских языках, проникших в разные эпохи в разные монгольские языки или их ареалы, а также вопрос о влиянии различных монгольских языков на тюркские языки в разных ареалах их локализации.

Поскольку тюркские и монгольские этносы контактируют вот уже многие тысячи лет на ограниченной территории Центральной Азии, в их языках, само собой разумеется, накопилось определенное количество общих элементов, причем как в лексике, так и в грамматике. Подсчет Вл. Л. Котвича, произведенный им в процессе изучения взаимодействия алтайских языков, как уже приводилось выше, показал, что между тюркскими и монгольскими языками выработалось около 50% общих элементов в грамматике и около 25% в лексике [Котвич 1962, с. 351]. Это очень большие проценты сходства. Но при этом не все из них можно считать общеалтайскими элементами. При ближайшем рассмотрении оказалось, что многие из этих элементов являются либо тюркизмами в монгольских языках, либо монголизмами в тюркских. Считаем, что имеет большую перспек-

тиву более подробное рассмотрение отдельно тюркизмов и отдельно монголизмов. В монголоведении уже делалась попытка выделения явных тюркизмов в монгольских языках и их диалектах, о чем свидетельствуют, например, исследования Владимирцова [1911], Санжеева [1971]; Porre [1955], Харьковской [1983; 1988; 1992], а также некоторые наши работы [Рассадин 1969, с. 129-134; 1970, с. 52-58; 1983, с. 70-89; 1987, с. 169-178; 1988, с. 62-75; 1995, с. 108-115]. Однако ввиду ее сложности есть необходимость изучить проблему тюркизмов в монгольских языках комплексно и более подробно.

В связи с тем, что взаимодействие тюркских и монгольских языков уходит своими корнями в глубокую древность, в монгольских языках имеются явные тюркизмы, носящие общемонгольский характер. Они проникли в монгольские языки еще на уровне общемонгольского праязыка и представлены во всех монгольских языках. К таким словам относятся, например, названия некоторых металлов и веществ (монг. *altan* < тюрк. *altun* - золото, монг. *temür* < тюрк. *temir-temür* - железо), почти все названия домашних животных, кроме терминов по лошади, свинье и собаке (монг. *üniyen* < тюрк. *inek-*inük* - корова, монг. *temegen* < тюрк. *tebe* - верблюд, монг. *qonin* < тюрк. *qoj-qojin* - овца), термины по ландшафту, по общественным отношениям, армии и т.д. Именно эти и подобные им слова обычны для европейских и отечественных работ по компаративистике, потому что все они представлены в старописьменном монгольском языке и в средневековых монгольских памятниках, а также в современных литературных монгольских языках. Этими словами востоковеды начали заниматься еще в позапрошлом и прошлом веках и по ним накопилась определенная литература на европейских и русском языках.

Кроме общемонгольских, выделяются тюркизмы, пришедшие еще в древний монгольский язык и сохранившиеся лишь в старописьменном монгольском языке. К ним можно отнести, например, слово стп.-м. *jilan* в словосочетании *jilan xušuu sumun* - стрела с уплощенным наконечником [Голстунский III, с. 358б], восходящее к общетюркскому слову *džilan-yılan* - змея (< общетюрк. *džil=-yil* = - ползти извиваясь), т.е. это стрела с плоским острым наконечником, напоминающим в общих чертах плоскую змеиную голову. Сюда же можно отнести и стп.-м. *uruy tarıy* - все родственники, вся родня